

АКАДЕМИЯ НАУК СССР. ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

КУЛЬТУРА НАРОДОВ ВОСТОКА

материалы и исследования

Д. КАРА

КНИГИ МОНГОЛЬСКИХ КОЧЕВНИКОВ

*(семь веков
монгольской письменности)*

Издательство «Наука»

Главная редакция восточной литературы
Москва 1972

Редакционная коллегия:

А. Н. Болдырев, И. С. Брагинский, Б. Г. Гафуров, А. Е. Глукина, О. К. Дрейер, И. М. Дьяконов, А. Н. Кононов, А. Д. Литмач, В. Г. Луконин, Ю. А. Петросян (председатель), Н. В. Пигулевская, Б. Б. Пиотровский, А. М. Пятигорский, В. М. Солнцев, О. Л. Фишман (отв. секретарь), Е. П. Челышев

Ответственный редактор

С. Г. Кляшторный

Книга Д. Кары является наиболее полным исследованием, посвященным истории письменности монголоязычных народов и памятников этой письменности.

Монгольской книге более 700 лет. Она родилась в грозном XIII в., когда монгольские всадники появились на обширных пространствах Евразии, от берегов Желтого моря до Адриатики. Только что возникшему кочевому государству, «отравленному» культурой разгромленных стран и покоренных народов, уже требовалась своя письменность, свои грамоты и даже печатные книги. На листах этих книг слились традиции различных культур Центральной Азии, Китая и Индии, традиции воинственных кочевников и оседлых земледельцев, шаманистов, буддистов и мусульман, христиан-несториан и конфуцианцев, уйгур, тибетцев. Письмена и книги монгольских кочевников оказались долговечнее их мировой державы. Сохранились императорские грамоты об освобождении монастырей разного толка от налогов, письма о монголо-французских дипломатических связях на рубеже XIII и XIV вв., эпитафии в стихах о доблестях верных слуг и высеченные на скалах грустные четверостишия о любви. Сохранились буддийские сочинения с индийскими притчами, заклинаниями и сложными философическими трактатами. Встречаются сборники любовных песен и записи былин, предсказания погоды и житейские советы, переводы с тибетского или с китайского и самобытные монгольские сочинения. Известны книги в форме пальмовых листьев и книги «гармоникой», рукописи и печатные издания, «карманные» книжки и огромные, тяжелые тома, заурядные ксилографы и лицевые инкунабулы. В них бытует целый ряд алфавитов: некоторые из них ближневосточного происхождения, другие связаны с индо-тибетским миром, их буквы пишутся то сверху вниз, то слева направо, соединяются они то по словам отвесной нитью, то по слогам в прямоугольнике; порой они образуют сложные узоры.

Монголы, буряты и калмыки наших дней — читатели и писатели моря новых книг — могут гордиться богатством письменной культуры своих кочевых предков, беспокойная история которых вовсе не благоприятствовала развитию грамотности. Ряд ученых трудился и трудится над толкованием дошедших до нас памятников монгольской письменности. Благодаря их усилиям стало известным и «Сокровенное сказание», одно из самых ранних сочинений монгольской словесности, содержащее тайную летопись Чингиз-хана, деяния его и его сына Угедея. Эта замечательная книга переведена на многие языки мира и вошла в мировую литературу. Однако много еще не разрешенных вопросов, связанных с изучением «Сокровенного сказания», и еще

ИЗ ИСТОРИИ МОНГОЛЬСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

больше неоткрытых, целинных просторов в истории монгольского слова и культуры.

В библиотеках и музеях многих городов мира бережно хранятся памятники монгольской письменности. Одна из важнейших сокровищниц монгольских книг — и притом самая большая в Европе — город на берегах Невы. Богатые ленинградские собрания монголоязычных памятников, в первую очередь монгольский фонд Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР и монгольский фонд Библиотеки восточного факультета Ленинградского государственного университета, представляют большие возможности для исследователя культуры, языка, литературы и истории монгольских народов. Среди таких городов — сокровищниц монгольских книг, как Улан-Батор, Копенгаген, Киото, Париж и Пекин, — Ленинград выделяется и вековыми традициями монголоведческой науки, и блестящей плеядой российских монголистов. Здесь хранится коллекция монгольских рукописей И. Иерига, ученого переводчика XVIII в., здесь и книги из собрания О. Ковалевского, и драгоценные фрагменты средневековых записей и перволечатных книг из мертвого города Хара-Хото, здесь можно листать рукописи и ксилографы, собранные А. Позднеевым, Ц. Жамцарано и Б. Владимирцовым. На прочной мягкой бумаге XIII в., на пожелтевших, хрупких листах пекинского производства времен Нерчинского договора или на синеватой русской бумаге с филигранью эпохи Пушкина можно проследить то бурную, то неспешную историю степи и степной культуры.

Настоящий краткий очерк родился в Ленинграде, в цитадели мирового востоковедения, где я имел честь работать быстро пролетевший год. На следующих страницах мне хотелось бы, правда лишь отрывочно, показать сложное прошлое книги и письмен монголоязычных народов, их неразгаданные загадки и уже проторенные тропинки знания.

Дьердь Кара

Жизненный путь монгольской книги, ее рождение и переживания — важная часть истории культуры монголоязычных народов. История книги везде связана с жизнью и творчеством людей: в ней отражаются события литературы, она имеет много общего с историей религии, известны ее связи с развитием техники, но, разумеется, она связана прежде всего с историей письменности¹. У народов Центральной Азии эта история является обычно сложной; она такова и в данном случае. Письменная культура монгольских народов наших дней зародилась в XIII в., и ее история, более или менее параллельно политической и культурной истории, разделяется на три эпохи: 1) возникновение (в политической истории — становление монгольской государственности; в истории культуры — стык китайских, отчасти чжурчженских, тангутских, тюркских и тибетских влияний, первое знакомство монголов с буддизмом; в истории языка — среднемонгольский период, формирование литературного языка), 2) возрождение (в политической истории — попытки восстановления единства монголов, XVI—XVII вв.; в истории культуры — влияние буддизма и тибетской культуры; в истории языка — переход к классическому языку и формирование литературных наречий), 3) создание современных письменностей (возрождение и развитие монгольских народов в содружестве социалистических наций; встреча с мировой культурой; современные литературные языки). Хотя в течение последних семисот лет монголы пользовались не менее чем десятью алфавитами, заимствованными из разных культур или созданными под их влиянием, для двух первых эпох характерно господство письменности уйгурского происхождения, традиции которой не оборвались и по сей день; однако у большинства нынешних монгольских народов старая письменность уступила место новой, созданной на основе русской кириллицы. Встает вопрос: имели ли монголы какую-либо письменность до XIII в.? Как нам представляется, нет. Однако этот отрицательный ответ касается лишь определенной группы племен, а именно тех, которые образовали северную, прибайкальскую ветвь древних монголоязычных народов. Из них выделились и монголы Чингиз-хана. В китайских источниках говорится, что у этих монголов «все было устное». Отдельным группам южной, хинганской ветви раньше, чем другим, удалось создать свою государственность и впоследствии — свое письмо.

От монгольских памятников дочингизовой эпохи мало что сохранилось. О них имеются только скудные, иногда загадочные сообщения или они представлены немногочисленными и практически нерасшифрованными надписями. Много памятников исчезло в позднейшее время: они часто становились жертвами войн, пожаров, невежества, религиозной нетерпимости, но то, что осталось, говорит о развитой письменной культуре монголов и о силе воздействия на них древних культур Ближнего Востока, Индии и Китая.

Табгачский литературный язык и киданьская письменность

Ю и цань янь — «справа перевод предыдущих слов» — гласят иероглифы в конце китайской надписи при усыпальнице танского императора. Каменописный памятник воздвигнут в 1134 г. полководцем и братом чжурчжэньского владыки по случаю восстановления им же надмогильного храма². Этот храм, работа древних зодчих, снова стал жертвой беспощадного времени, но о нем и о его именитом покровителе до сих пор напоминают китайская надпись на камне и письмена на каком-то таинственном языке. Эти «предыдущие слова» написаны знаками, лишь на первый взгляд похожими на китайские. Прочсть их еще не удалось ни одному из ученых наших дней. Быть может, когда-нибудь удастся. Ведь этот язык и его знаки не были родными и чжурчжэньскому князю-покровителю. Язык этот — киданьский, один из южных сяньбийских языков, и его слова высечены в киданьском письме.

В IV в. н. э. один из племенных союзов южной ветви сяньбийских народов, названный в китайских источниках народом тоба, покинув древние кочевья, расположенные на нынешнем северо-востоке Китая, перекочевал к северной излучине Желтой реки и покорил северо-западную, а потом и всю северную часть тогдашней территории Среднего государства. Быстро усвоив китайское административное искусство, тоба создали сильное государство, во главе которого стали их вожди (388—550). Династия Тоба-Вэй, как и другие поздние «варварские» династии Китая, всячески поощряла распространение буддизма. Тоба был смешанный тюрко-монгольский народ — читаем мы в солидной монографии немецкого китаевода В. Эберхарда³. По общепринятому мнению, их лексика, сохранившаяся в китайской транскрипции, отражает тюркский язык⁴. Однако среди этих слов, большинство которых определено как тюркские и монгольские (общие слова языков алтайской группы), бывают и такие, которые толкуются только на материале монгольских языков: Важ-

нейшая из этих глосс — слово *ю-лянь*⁵. По последней трактовке акад. Л. Лигети, оно читается в форме *üglen* и соответствует монгольскому *egülen* «облако». Дело в том, что в начальный период их господства, когда завоеватели еще говорили на своем родном языке и сделали этот язык государственным, тоба заставляли своих китайских подданных переводить их имена на официальный язык государства; так, китайское слово *юнь*, обозначающее «облако», стало на языке тоба *üglen*. Китайские источники сообщают и о том, что у тоба было свое письмо, собственная литература, но из письменной словесности тоба ничего не дошло до нас, кроме названий их книг в китайском переводе. Все это говорит о том, что, хотя племенной союз тоба включал другие этнические группы (что можно сказать также о тюрках и монголах), государственным языком был «сяньбийский диалект» древнемонгольского языка⁶. К концу V в. тоба китаизировались и сами начали уничтожать свою собственную, недавно созданную культуру. Теперь многосложные «варварские» фамилии сокращались на китайский лад. Государство Тоба-Вэй стало щитом Китая против новых волн северных племен, в том числе и жуаньжуаньских кочевников. В VIII в. этноним *тоба*, который известен из древнетюркских орхонских надписей в форме *табгач*, обозначал уже опасный для кочевников Китай, мягкий шелк и коварные обычаи которого покорили многих завоевателей. Китайская летопись «История Южного Ци» сохранила нам древнейшие монгольские (и алтайские) термины, связанные с языком и письменностью: *bitigčün* «писец» и *kelmerčün* «переводчик».

Другой сяньбийский монголоязычный народ III—VIII вв., переселившийся в Северо-Восточный Тибет (тибетцы называли его *ажа*, а китайцы *туойхунь*), имел письмо, похожее, по китайским сведениям, на письмо тоба⁷.

Гораздо больше, но все же недостаточно знаем мы о письменности киданьского государства в Северо-Восточном Китае. Кидани, несомненно монголоязычный народ южной хинганской ветви сяньбийцев, появились в VI в. на северном горизонте китайского мира. О них упоминают китайские летописи (*цидань*, *китань*; отсюда, по старой, бичуринской транскрипции, и русское название «кидань»), древнетюркские надписи (*qitañ*), тибетские и тангутские памятники. В начале X в. они пошли по древнему пути северных кочевников и захватили Северный Китай. Их династия, называвшаяся Цидань, или Ляо (907—1125), была свергнута чжурчжэнями, предками маньчжуров, но части киданей удалось спастись. Откочевав в Семиречье, они создали Западное Ляо — государство кара-китаев. Оно существовало до монгольского нашествия в начале XIII в. Восточное Ляо было страной высокой культуры. Созданная там по китайскому об-

разу письменность использовалась наряду с китайской. Уже в 920 г. было создано киданьское «большое письмо», которое состояло из нескольких тысяч знаков. Это было, по всей вероятности, письмо идеографическое. Пять лет спустя, в 925 г., было введено новое письмо, названное малым, которое отличалось от «большого» тем, что его знаков было гораздо меньше (всего несколько сотен) и они писались слитно. Создатель нового, «малого» письма Тела был знаком и с уйгурским алфавитом. Возникла своя литература, были переведены на киданьский язык китайские исторические и поэтические сочинения, составлены словари — все это в киданьском письме. Это письмо было в употреблении и в начале чжурчжэньских времен (XII в.)⁸. К сожалению, сохранилось очень мало из того богатства киданьской литературы, о котором говорят источники. В китайском переводе известны изысканные стихи киданьских поэтов: среди них и стихотворения императрицы Сюань-и, казненной по обвинению в любви к придворному актеру. Сохранились и киданьские слова в китайской транскрипции. Именно по этим словам определяется место киданьского языка среди языков алтайской группы; например:

<i>tau</i>	(монг. <i>tabun</i> , дагур. <i>tau</i>) «пять»,
<i>ǰau</i>	(монг. <i>ǰayun</i> , дагур. <i>ǰau</i>) «сто»,
<i>tauli</i>	(монг. <i>taulai</i> , дагур. <i>taul'</i>) «заяц»,
<i>nair</i>	(монг. <i>naran</i> , дагур. <i>nar</i>) «солнце»,
<i>sair</i>	(монг. <i>saran</i> , дагур. <i>sarōl</i> , халх. <i>sar</i>) «луна»,
<i>šawā</i>	(монг. <i>sibayun</i> , дагур. <i>šobō</i>) «хищная птица»,
<i>qašū</i>	(дагур. <i>χasō</i>) «железо»,
<i>po</i>	(среднемонг. <i>hon</i> «год», чжурчжэн. <i>fon</i> «время») «весна» ⁹ и т. п.

Эти глоссы свидетельствуют о том, что киданьский язык, во всяком случае разговорный, в некотором отношении ближе к современным монгольским языкам, чем письменный монгольский, и в то же время более архаичен. Можно предполагать, что и киданьская морфология сильно отличается от известной нам монгольской.

Из киданьских писем нам известны теперь лишь полдюжины больших надписей (эпитафии на стелах у могил киданьских императоров и императриц, упомянутая надпись 1134 г.), а также краткий текст на бронзовом зеркале, несколько знаков на кирпиче и фресках императорского некрополя, на печати в форме рыбки, сосудах и пайцзе Чингизовой эпохи, отдельные, порой искаженные знаки в китайских книгах. Большие надписи снабжены обычно и параллельным китайским текстом, но

¹⁰ лишь в одном случае, на стеле 1134 г., имеется более или менее

точный перевод. Знаки порой стоят отдельно, — это либо односложные слова, либо идеограммы. Чаще знаки соединяются в форме прямоугольника, треугольника и т. п., — это многосложные слова, первые элементы которых являются слоговыми знаками. Они писались в китайском порядке, сверху вниз и слева направо. В одной надписи 1089 г. во всем тексте¹⁰ и в «заглавиях» императорских эпитафий простые знаки следуют отдельно друг от друга, независимо от того, образуют ли они вместе одно слово или представляют отдельные слова. Однако знаки надписи 1089 г. очень отличаются от тех, которые известны нам из остальных памятников: в ней встречаются и общие с чжурчжэньской письменностью знаки.

К сожалению, наши китайские источники не дают представления о характере двух киданьских письменных систем. По одному мнению, «малое» письмо — алфавитное и уйгурского происхождения. Однако пока мы не располагаем ни одним памятником такого типа, хотя отсутствие памятников, естественно, неполный аргумент против «уйгурской теории», потому что памятников вообще весьма мало. По другому мнению, в больших эпитафиях мы имеем дело именно с «малым» письмом, письменной системой, охватывающей всего несколько сотен знаков, тогда как «большое» письмо состояло из нескольких тысяч¹¹. Но опять недостаточно количество памятников. Оставляя решение этого нелегкого вопроса на будущее, обратимся к самому трудному: к вопросу о расшифровке тех памятников, которыми мы располагаем в настоящее время.

На основе китайских параллельных текстов (даты и несколько выражений все-таки точно совпадают с киданьскими) удалось выделить полсотни знаков (отдельных и сочетаний), определив их значение. Известны знаки — идеограммы некоторых числительных, идеограммы, обозначающие «небо», «день», «месяц», «год», «великий», две идеограммы, которые вместе обозначают «государя императора»; известно, как пишется название династии и т. п., но ни в одном случае не удалось твердо решить вопрос о чтении знаков. Даже в случае слоговых знаков, которые обозначают родительный падеж и, вероятно, читаются как *in* и *ni*, есть доля сомнения. Одни исследователи старались уловить чтение отдельных знаков на основе их сходства с китайскими идеограммами, другие — старались толковать киданьские знаки с известным уже значением на основе среднемонгольского, маньчжурского или разных алтайских языков, сопоставляя порой несопоставимые данные разных времен и разных мест.

Для дальнейших исследований большое значение имеет работа ленинградского ученого В. С. Старикова, которая на основе полного графического анализа текстов дает каталог знаков, 11

ЗНАКИ КИДАНЬСКОГО ПИСЬМА

𠂇 ВЕЛИКИЙ	山 ЗОЛОТО	主 ГОСУДАРЬ	支 ДРАКОН
天 НЕБО	𠂇 НЕБА (род. падеж)	王 ИМПЕРАТОР	用 КОНЫ
天 ДЕНЬ	一 ОДИН	王 ИМПЕРАТОРА (род. падеж)	𠂇 НАПИСАННОЕ; ОБРАЗОВАННЫЙ
𠂇 МЕСЯЦ	六 ШЕСТЬ	𠂇 БОЛЬШОЙ	𠂇 МИЛОСТИВЫЙ
𠂇 ГОД	丁 ДВАДЦАТЬ	𠂇 КИДАНЬ (ЛЯО) (род. падеж?)	𠂇 ПОЧИТАЮЩИЙ

печный слог в русских словах «знаком» от «знак» и «знаком» от «знакомый» в письменной форме)¹². На самом деле это основа и начало фонетической расшифровки, которая кажется несравнимо сложнее, чем расшифровка чжурчжэньской или тангутской графики: ведь не располагая двуязычными словарями, здесь можно опираться лишь на киданьские глоссы в китайской транскрипции, на свидетельство еще не вполне расшифрованных памятников чжурчжэньской письменности, на старомонгольские элементы маньчжурского и других, особенно южных, тунгусо-маньчжурских языков, на среднемонгольские и живые архаичные диалекты (прежде всего на малоизученный дагурский), нужна, конечно, и доля счастья. Это весьма крепкий орешек, может быть, труднейшая из задач монголоведения, решение которой чрезвычайно важно для истории монгольских и алтайских языков.

указывая на их соотношения (графемы и аллографы), каталог словоформ по начальным знакам в графическом порядке, по конечным знакам (обратный словарь) и сочетаемость знаков. С помощью этих материалов, особенно обратного словаря, можно установить «зримую», «графическую» грамматику киданьского языка, естественно, с оговоркой, что знаки не соответствуют непосредственно грамматическим функциям, в медиальной и финальной позициях они обозначают слоги, которые могут выступать в разных грамматических функциях (как, например, ко-

SUMMARY

The story of the Mongol writing started 700 years ago, in the stormy 13th century when the steppe's warriors rode on horseback between the Yellow Sea and the Adriatic, threatening old cities and smashing long respected frontiers. The newborn empire of Chinggis Khan risen by merciless swords needed the mercy of the script and of the books. The want for the written word turned the attention of the bellicose nomads to the cultural heritage of the ruined cities of Central Asia, to the knowledge of Tibet, depository of India's wisdom, and to the subtle arts of Chinese thoughts and manners, a sweet poison for all pastoral peoples on both sides of the Great Desert. The children of the warriors became familiar with different alphabets and very soon they had their own printed books, long before the Western world discovered printing. On the folios of the old Mongol books and MSS one may come across the traditions of the grassland and those of the peasant civilizations, ideas from the shamanistic past, the teachings of the Buddhas or traces of Nestorian Christianity, one may find there Confucian maxims and Moslem influence. Since then, despite the collapse of their medieval state and despite the tempests of the later centuries, Mongols have never lost their interest in the written word, and even in the darkest periods of their history they did not lack, faint as it was, the light of writing.

The present study offers a brief outline of the past of the Mongol writing, its different alphabets, the main forms of its monuments, inscriptions, blockprints and handwritten books, with many concrete data and conclusions drawn from the investigation of the materials kept in one of the world's richest collections of Mongol written sources, the Mongol Fund of the Leningrad Section of the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the USSR.

The Mongols of Chinggis Khan were not the first Mongol people which acquired the knowledge of writing. Chinese historical works tell us how the T'o-pa, ruling people of the Northern Wei dynasty established a "national" culture with the writing system of their own, how they became arduous propagators of their language, and how they had been absorbed very soon, in the 5th century A. D., by the Chinese model they followed. Another strong nomadic Mongol tribe, the Khitans who conquered North China in the early 10th century, had two different writing systems one showing typological affinity to the modern Japanese

script in combining ideograms with syllabic symbols. The few Khitan monuments that have survived, large epitaphs and minor inscriptions, wait to be deciphered. These writing systems died out with the State for which they had been established.

A long tradition of writing which practically never had been interrupted till our days began in the 13th century when the Mongols of Chinggis Khan borrowed the alphabet used by the Uighurs.

The shamans and rhapsodes' keen memory that had been able to keep the genealogies, the stories of the past, the customs and laws and tribal traditions of a pre-state nomadic society through many generations became insufficient when, after the old tribal institutions were broken by the force of the accumulation of the material power, this society had to build up a highly organized state in a very short time. And since classical nomadic societies were formed in constant symbiosis of need with at least one peasant society, the State of the nomads usually borrowed, immediately or not, many elements of its institutions from the «peasants». The Mongols of Chinggis Khan did not follow the way of the Khitans whose men of letter had elaborated the system inspired by the Chinese script, but borrowed the system of writing used by the Uighurs, a Semitic script with no less longer history than that of China. And though shamans and rhapsodes did not entirely lose their former importance, the memory of the State became the monopoly of the connoisseurs of writing, the scribes and chancellors and the Buddhist monks; the latter offered to the new state an old and well developed ideology with the possibility of a well organized economy (this never had been realized, as the medieval Mongol society remained too military, and the wealth received ready made from the conquered societies paralysed the possible development of the Mongols' own economy.) During the last 700 years the chancelleries and the monasteries meant the two parallel poles of writing, usually with different styles in the language and in the graphical appearance of the script, but not without overlaps.

According to the 18th century Lamaist tradition the Mongol alphabet was created by the famous Tibetan monk Saskya Pandita and it was brought to perfection by another lama, Choskyi Odzer. In fact this writing system which has been called "Uighur script" by the Mongols is but a slightly modified variety of the Semitic alphabet used by the Uighurs. It is not quite clear, however, where and when the Mongols got acquainted with this script. The Secret History of the Mongols informs us that in 1206 Chinggis ordered to record the decrees "on the white pages of the blue book". This was after the defeat of the Naimans, whose "state secretary" with the Naiman ruler's seal was captured by the Mongols. Following the historical legend related in the Yüan

History, this secretary, the Uighur Tata Tonga transmitted the Uighur knowledge of writing to the Mongols. Nevertheless it is not impossible that the Uighur script had been employed by other Mongol-speaking peoples, for instance, by the Khitans of the Western Liao, but, as no monument has been found, this idea still remains but a hypothesis.

The Mongols had not changed the Semitic character of the Uighur script, moreover they had adopted its orthography as a whole, including graphical features of phonetic origin which caused an increase in the number of the poliphonic letters. Perhaps the Mongol alphabet as a conventional arrangement of the graphical symbols was also borrowed from the Uighurs; for a "graphical glottochronology" it is interesting to note that here only the pair *lm* has conserved its ancient Semitic order.

In the first century of the Mongol Empire there were many foreigners among the simple scribes and high-ranked secretaries of the Mongols: Muslims from Turkestan, Jurchens, Chinese, but the most important role in the literary activities was played by the Uighurs, and, especially in Qubilai's time, by the Tibetans, the first — because of speaking a language typologically near to the Mongol and because of giving their writing system, the second — because of their Lamaist ideology offered to the new state. Otherwise the same ideology had been spread among the Uighurs who had had then a long Buddhist literary tradition.

It was this Uighur Buddhist tradition that offered a ready terminology for the first Mongolian translations of the Tibetan Scriptures and this tradition served as a vehicle for a mass of Indo-European (Indian, Sogdian and Greek) terms. This word stock is valuable both for the knowledge of the contemporary Uighur language and for studying the complicated ways the various cultures followed in Central Asia.

Most interested in Tibeto-Mongol affairs, the priests of the Saskya monastery like Choskyi Odzer, probably of Uighur origin, Sonom Gara, Sherab Sengge, Punyashri and Prajnyashri, the most famous Lamaist translators of the late 13th and of the early 14th centuries had great merits in establishing a developed literary language, apt for rendering even highly sophisticated philosophical ideas.

The few early written monuments which have survived the later centuries of bad luck and the mostly foreign historical records have transmitted to us the names of a handful of genuine Mongol men of letters like Bulga-noyon, Shiremün, Esenbuqa, Taibuqa of the Bayaut, Dorji and Dorjibal, offspring of Muqali, one of Chinggis's truest companions. Rashid-ad-Din and medieval travellers' relations inform us about the scribe's life in government offices and about the special courses for future scribes.

The “official” or “quadrangular script”, the second writing system of the medieval Mongols was composed by the order of Qubilai. The work was completed by the Saskya high priest, Phagspa who followed the Indo-Tibetan model: his letters are not else than the quadrangular graphical modifications of Tibetan or Indian ones. The orthography is also syllabic, but due to the influence of the Uighur script, the letters forming one syllable are connected as in the Uighur-Mongol and follow each other in vertical line; thus the linearity of the letters is not broken by the vowel symbols. This script had a sufficient number of letters not only for the Mongol phonemes of the 13th century but also for some allophons, and though it was not free from certain orthographical Uighurisms in recording vowels, it could render the living sounds in a more exact way than the Uighur script.

In spite of this (and that it might be used for all the other main languages of Qubilai’s empire: the Chinese, the Tibetan and the Uighur), Phagspa lama’s clumsy quadrangles could not be compared with the Uighurs’ easy graphemes. This is one of the reasons of the short fate of the „quadrangular script”. In the early 14th century the Uighur characters regained their former importance. Nevertheless the few monuments of the Phagspa script, stone inscriptions and fragments of printed books and manuscripts give us an important key to the phonetic interpretation of the medieval Mongol texts written in Uighur script.

The collapse of the Mongol Empire and the following anarchy also caused a decay in Mongol writing. The revival of the cultural life started in the late 16th century parallel with that of the Lamaist Church greatly interested in the attempts at restoring the Mongols’ unity. These attempts were baffled in the struggle with the Manchus who exploited the reformed Lamaism and its scriptures in assuring the submission of the Mongols. This is why the Ch’ing authorities paid attention to the promotion of the Mongols’ writing. It was in the 17th and 18th centuries that the Mongol translation of the great Lamaist encyclopaedia, the 330 volumes of the Kanjur and Tanjur was completed and printed, that the medieval tradition of a yearly printed Mongol calendar renewed, and that a considerable number of religious and secular works including historical records, astronomical, grammatical and medical treatises and great dictionaries were translated from Tibetan, Manchu and Chinese or composed in Mongol.

The 17th century was also a period of new writing systems: the “clear alphabet” of the Western Mongol or Kalmuck Zaya Pandita and two other “new alphabets” composed by Dzanabadar, the first head of the Khalkha Lamaist Church. The latter two scripts of Indo-Tibetan type remained ornamental and scarcely used, and even the “clear alphabet” could not replace the Uighur-

Mongol script a perfected derivative of which it was and became the script of the Kalmucks.

A former modification of the Uighur-Mongol characters is connected with the name of Ayushi, a Lamaist translator of renown. At the end of the 16th century he established the Mongol āli-kāli alphabet for the exact Uighur-Mongol transliteration of the Indian and Tibetan words.

The long tradition of the invention of “new scripts” or, at least, new orthographies, had not been broken off till this century. Among Western Buriats the Church Slav Cyrillic script was introduced by Orthodox missionaries in the last century. Since the adoption of the reformed Lamaism Mongol lamas used to write here and there in Tibetan characters, not only the sacred Tibetan texts, but also Mongol words, e. g. private notes in Tibetan cursive; a similar use of the Manchu script occurred among the Mongol clerks of the Ch’ing bureaucracy. 1905 is also the year of the invention of a new Buriat alphabet based on the Oirat «clear script», while in 1911 a selection of Buriat folk-poetry was printed in a new Romanized orthography modelled after the Finnish tradition but mingled with some French elements.

A special chapter of this book is devoted to the Uighur-Mongol graphematics. Like the sounds of the language, also the written symbols may be analysed according to their distinctive features. Such an analysis may seem forced in the case of Latin or Cyrillic script (though even there it can be useful), but it proves to be rather fruitful in the case of scripts of Semitic type, such as the Uighur-Mongol which offers a considerable number of combinatorial features. All varieties of symbols used within a graphically homogenous text can be reduced to a relatively small number of graphical elements (like “tooth”, “belly”, “leg”, etc. according to the traditional Mongol terminology). Some of these elements can form a letter (grapheme or allograph), some of them form a part of a letter.

In the Mongol words of the Lamaist blockprints of the 17th century there occur some 16 graphical elements which can produce some 40 letters, i. e. symbols of definite phonetical function (one or one of the possible phonemes or allophons). These may be classified according to their positional distribution (initial, medial, final, independent). Positionally conditioned letters having a common graphical element and having the same phonetical function form a group of positional allographs, i. e. a grapheme. Positional allography may also have orthographical variants (e. g. medial N with or without the diacritic point) and purely graphical ones (within the latter: territorial, historical, within these: general, particular, individual, facultative or obligatory variants), but most frequently, features of graphical allography

concern the “hand” or graphical style, a historical sketch of which is the subject of further chapters (medieval calligraphy of blockprints and stone inscriptions, the chancellery shorthand, the “Turkestani” or Late Uighur cursive, the Oirat “hand”, classical and modern shorthand styles, the proportions of the graphical elements within the different “hands”, their main particularities).

The second and shorter part of the book deals with the various forms of the written monuments, with printing and handwriting, with the exterior of the blockprints and manuscripts (“palm-leaves”, “concertina-books”, “butterfly books”, scrolls, brochures, their “make-up”; pagination, ornaments and illustrations, printing marks, covering, binding; ink, colours, paper, watermark or stamp, seal of ownership, etc.). Terms denoting books as compositions, types of titles and colophons, our main sources concerning authors, translators, scribes and patrons are also discussed in this part containing otherwise an attempt at the thematic classification of the books and manuscripts.

A chronology of Mongol writing and many philological notes complete this study accomplished in Leningrad, 1968.

СОДЕРЖАНИЕ

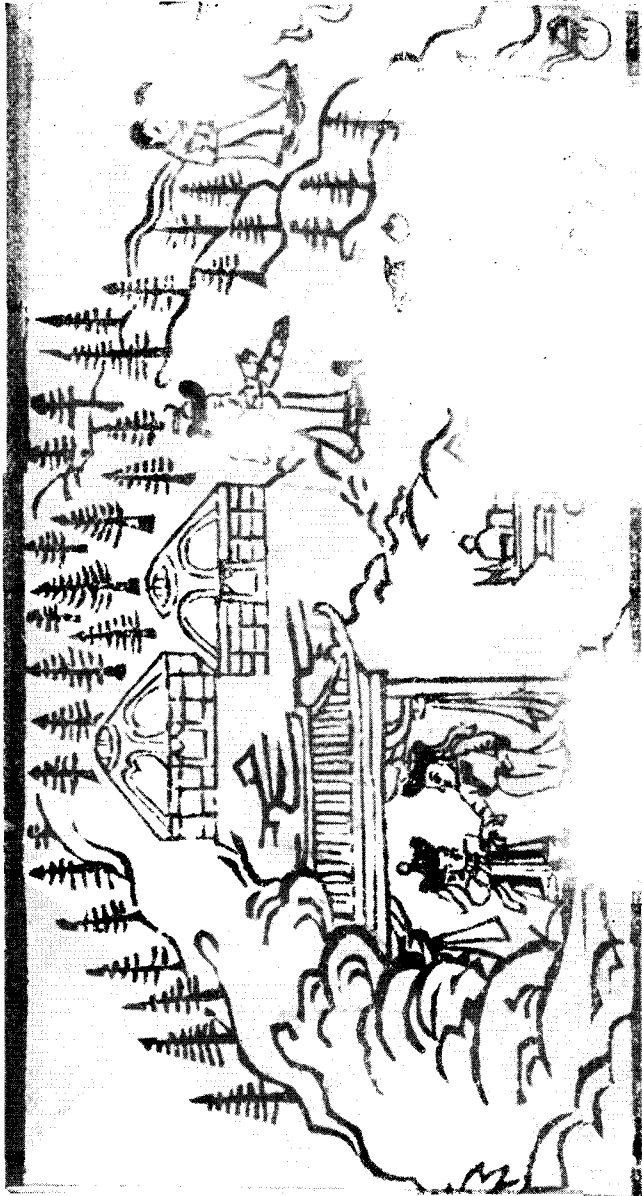

Табл. 26.
Изображение «грешных страстей»
из описания буддийского ада.
Халхаский ксилограф XIX в.

От автора	5
Из истории монгольской письменности	7
Табгачский литературный язык и киданьская письменность	8
Писцы и монахи вместо сказителей и шаманов	13
Возникновение уйгуро-монгольской письменности	15
Уйгурские и тибетские книжники, писцы, чужие и свои	20
«Государственный алфавит» — квадратная письменность	27
Письменный язык и живая речь	32
Возрождение монгольской культуры. XVI—XVIII вв.	35
Уйгуро-монгольская графика	40
Знаки начала	49
Знаки конца	50
Знаки сокращения	52
Цифры	53
Почерк	53
Классический язык и литературные «наречия»	68
Алфавит али-гали и иноязычные слова	72
«Ясное письмо» ойратского Зая-пандиты	77
Курсив и скоропись	84
Орнаментальные разновидности уйгуро-монгольского письма. Пись- менные узоры, символы, тамги	86
«Саморожденный» алфавит	90
Алфавит горизонтального квадратного письма	93
Бурятский «новый алфавит» Агвана Доржи	95
Маньчжурская и тибетская письменности у монголов	98
Новые литературные языки	100
Монгольская книга	104
Книга и ее предшественники	104
Рукопись	110
Печатание	114
Формы книги	118
Оформление книги	121
Книга как сочинение	136
Название книги	136
Книжные «жанры»	141
Колофоны	144
Многоязычные книги	149
Книголюбы, библиотеки, печатные дворы	150
Примечания	152
Список сокращений	183
Список иллюстраций	184
Хронология монгольской письменности	186
Summary	189
Таблицы	195

Дьердь Кара

КНИГИ МОНГОЛЬСКИХ КОЧЕВНИКОВ

*Утверждено к печати
Редколлекцией серии «Культура народов Востока»*

Редактор *И. Л. Е л е в и ч*
Младший редактор *И. И. И с а е в а*
Художник *Э. Л. Э р м а н*
Художественный редактор *И. Р. Б е с к и н*
Технический редактор *М. В. П о г о с к и н а*
Корректор *М. З. Ш а ф р а н с к а я*

Сдано в набор 26/VII 1972 г. Подписано к печати
22/XI 1972 г. Формат 60 × 84^{1/16}. Бумага № 2. Печ. л.
12,25 + 2 п. л. мел. бум. Усл. печ. л. 13,25. Уч.-изд. л.
15,05. Тираж 1500 экз. Изд. № 2795. Зак. № 833.
Цена 98 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука»
Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4